

На правах рукописи

A handwritten signature in blue ink, consisting of several loops and a long vertical stroke extending downwards.

Кудряшов Владислав Васильевич

**Международное финансовое право в условиях трансформации мирового
правопорядка**

Специальность 5.1.5. Международно-правовые науки

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре международного права ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации».

Научный консультант

Шумилов Владимир Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный юрист
Российской Федерации,
заведующий кафедрой международного
права Всероссийской академии внешней
торговли Минэкономразвития России

Официальные оппоненты:

Бирюков Павел Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного и
евразийского права Воронежского
государственного университета;

Лабин Дмитрий Константинович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного
права Московского государственного
института международных отношений
МИД России;

Фархутдинов Инсур Забирович,
доктор юридических наук, профессор,
главный редактор «Евразийского
юридического журнала»

Ведущая организация

Институт законодательства и
сравнительного правоведения
при Правительстве Российской
Федерации

Защита состоится «21» октября 2026 г. в 14 часов на заседании Диссертационного совета 57.2.001.01 при Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации по адресу: Защита состоится по адресу: 119285, г. Москва, Воробьевское шоссе, 6А, зал Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Всероссийской академии внешней торговли по адресу: 119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А.

Автореферат разослан «__» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, кандидат юридических наук

М.Р. Салия

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Актуальность темы исследования обусловлена важностью концептуально теоретического анализа подходов к международному финансово-правовому регулированию в условиях трансформации мироустройства: политическая борьба за формирование многополярного мира неизбежно предполагает борьбу научных доктрин, идей и концепций, в том числе в сфере международного права.

В настоящем исследовании международное финансовое право рассматривается как совокупность норм, регулирующих международные публичные финансовые отношения, подотрасль международного экономического права, претендующая на роль самостоятельной отрасли. В определенной степени современное международное финансовое право (МФП) можно воспринимать как вызов государственно-правовому позитивизму в международном праве, торжество «мягко-правового» регулирования как «продукта эпохи постмодерна, когда на первый план выходят идеи многообразия, нестабильности, фрагментации, конвергенции, стирания границ между устоявшимися структурами, а правовой плюрализм обретает второе дыхание»¹.

Международное финансовое право предлагает отличные от подходов позитивного права формы и методы международного финансового регулирования, такие как «мягко-правовые» финансовые стандарты, разработанные организациями, не имеющими формального международно-правового статуса, международные финансовые организации-регуляторы, созданные на основе джентльменских соглашений государств и негосударственных акторов, признание государств как фактор международной правосубъектности и др. Концепт «мягкого права» в контексте международного финансово-правового регулирования реализуется в мультипликации субъектов правотворчества и разгосударствлении правовых режимов, или, как отмечают некоторые специалисты, «децентрализации и деформализации процессов правообразования, а также плюрализации источников правового воздействия»².

В международном финансовом регулировании применяются непривычные для позитивистской школы права инструменты мотивации государств к соблюдению норм МФП, а именно - сочетание репутационных и финансовых стимулов: несоблюдение норм влечет репутационные издержки, которые, в свою очередь, генерируют негативные финансовые последствия в форме ухудшения условий получения финансовой помощи и доступа на

¹ Демин А.В. «Мягкое право» как выражение компромисса в урегулировании трансграничных взаимодействий// Право и образование. 2015. № 9. - С. 110.

² Демин А.В. «Мягкое право»: практика применения в контексте российского международного права». 2018. - С. 4 //СПС Консультант Плюс.

финансовые рынки. Этот двойной механизм эффективно действует благодаря общей финансиализации общественных отношений, преимущественно долговому характеру современных международных финансовых отношений и прокредиторской глобальной финансовой системе.

В основе функционирования современного МФП лежат дерегулирование и децентрализация, упрощенные процедуры создания международных норм, снижение транзакционных издержек, методы «назвать и пристыдить» *«name and shame»*, «делай или объясняй отказ» *«do or explain»*, принципы и концепции зависимости от предшествующего развития *«path dependence»*, невмешательства государства *«laissez-faire»*, одиозного долга *«odious debt»*, обусловленности предоставления финансовых ресурсов *«conditionality»* и др.

Международное финансово-правовое регулирование осуществляется в рамках многосторонних и двухсторонних взаимодействий, испытывающих дифференцированное влияние международного обычая и общих принципов международного права. Так, отношения в сфере международной финансовой стабильности и режимов внутреннего финансово-правового регулирования являются предметом *многосторонних* финансовых взаимодействий в рамках таких институций, как Группа двадцати и международные организации, устанавливающие стандарты (МОУС), и регулируются международными финансовыми стандартами, при разработке которых влияние правовых обычаев малозаметно.

С другой стороны, финансово-кредитные отношения регулируются двухсторонними соглашениями между государствами или государствами и международными финансовыми организациями (МВФ, МБРР, ОЭСР, многосторонними банками развития), где влияние общих принципов и обычаев более существенно; а отношения по разрешению межгосударственных долговых отношений, вытекающих из этих финансово-кредитных отношений, регулируется в рамках многосторонних финансовых взаимодействий (в рамках Парижского клуба кредиторов, ПКК), где влияние правовых обычаев также несущественно.

Международное финансово-правовое регулирование осуществляется преимущественно такими методами, как прямой и непрямой. Прямой метод – это регулирование «твёрдо-правовыми» межгосударственными соглашениями (Статьи соглашений МВФ, МБРР, ОЭСР, учредительные договоры многосторонних банков развития и др.); непрямой – это регулирование «мягко-правовыми» актами международных организаций, устанавливающих стандарты (МОУС), через делегированные им государствами полномочия по разработке стандартов, контролю за их соблюдением, обобщению результатов практики, даче рекомендаций, общению с национальными регуляторами и т.д. Второй метод является преобладающим.

Международное финансовое право выступает системной и целостной правовой отраслью, идейной основой которой является финансовая доктрина

развитых западных стран, восходящая к дискриминационной и избирательной финансовой политике, реализуемой этими странами и созданными ими международными финансовыми институтами. Краеугольным камнем этой доктрины выступает так называемый Вашингтонский консенсус (ВК) как программа мер неолиберальной экономической политики, проводимой расположенными в США международными финансовыми организациями-МВФ и Группой Всемирного банка. Несмотря на критику этой политики и в отечественной, и в западной доктрине, она остается стержнем подхода экономически развитых стран Запада к регулированию отношений с другими членами международного сообщества, включая Россию.

Определенное изменение реалий международных отношений в 2020-х годах, выраженное в редком политическом, финансовом и идейном единении этих стран против России, беспрецедентной санкционной кампании, продемонстрировало рост фактора силы в международных отношениях, осложнило достижение международных договоренностей в финансовой сфере. Как отметил секретарь Совета Безопасности Российской Федерации С. Шойгу, «санкционный произвол стал частью новой мировой реальности»³.

На политическом и научно-теоретическом уровне между подходами международных акторов к оценке трансформационных процессов имеется принципиальное различие. Россия выступает за переустройство существующего миропорядка, за многополярность, за ликвидацию двойных стандартов в международных отношениях, против гегемонии и диктата Запада, против произвольного толкования и применения принципов и норм международного права.

Напротив, страны Запада продолжают действовать в рамках модели неоколониального мирового правопорядка, привержены принципу гегемонизма и стремятся не допустить появления конкурентов в управлении миром. Они выступают за такую трансформацию глобальной финансовой архитектуры, которая, согласно позициям ее сторонников в ООН и других международных организациях, заключается лишь в увеличении финансовой помощи беднейшим странам, борьбе с изменением климата, противодействии рискам цифровизации, обеспечении кибербезопасности и пр., но не затрагивает ее фундаментальных основ.

В настоящем исследовании научная доктрина международного финансового права (МФП) в широком смысле понимается как система «взглядов и концепций о сущности и назначении международного [финансового] права в конкретных исторических условиях, а в узком - как научные труды юристов-международников»⁴.

Под доктриной также понимаются «академические монографии и статьи юристов-международников по вопросам международного права, а также

³ Коммерсантъ. - 2025. - 17 июля.

⁴ Ашавский Б.М. О роли доктрины в современном международном праве // Московский журнал международного права. 2012. № 1. - С. 49; Словарь международного права / отв. ред. С.А. Егоров. 3-е изд. перераб. и доп. - М., Статут, 2014. - С. 90.

подготовленные ими комментарии к международным договорам и решениям международных судов и арбитражей»⁵.

Исследование доктрин международного финансового права значимо для понимания причин высокой резистентности международного финансового права и основанного на нем финансового правопорядка к попыткам изменений, что требует теоретического осмысления зависимости МФП от состояния современной системы международных отношений и перспектив реализации принципов нового мироустройства. Не менее важным представляется выявление параметров возможного правового компромисса между новыми центрами силы в случае перехода к многополярности.

Весьма значимой видится оценка состояния и динамики развития норм и принципов современного международного и национального финансово-правового регулирования, которые закреплены в международных договорах, судебных решениях, документах Группы двадцати, Международного валютного фонда (МВФ), Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Банка международных расчетов (БМР) и других международных организаций, устанавливающих стандарты (МОУС), а также российских нормативных правовых актах законодательной и исполнительной власти, указах Президента Российской Федерации, актах Банка России.

В исследовании обращается внимание на существенные различия в оценке реалий действующего международного финансового права в западной, плюралистической, и российской, позитивистской, доктрине, в частности в отношении источников права и международной правосубъектности. Концептуальные основы исламской финансовой модели, восходящие к таким источникам, как Коран и Сунна, демонстрируют фундаментальную устойчивость в условиях современных трансформаций, иммунитет к западным моделям финансового регулирования и выступают в качестве альтернативного правового ориентира при переходе к новому мировому правопорядку.

Степень научной разработанности темы и теоретическая основа исследования

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных авторов, изучающих общие вопросы состояния и перспектив трансформации международных финансовых отношений, структуры и отраслевой принадлежности международного финансового права, места «мягко-правовых» международных финансовых норм (стандартов) в регулировании международных финансовых отношений. Российские правоведы обычно исходят из презумпции системности и целостности международного финансового права, однако теоретические основы квалификации оснований системности, ее признаков, свойств и проявлений

⁵ Исполинов А.С. Как слово наше отзовется: роль доктрины в международном праве//Журнал «Закон», 2025. 12 декабря. – С. 21.

ранее ими не исследовались. В зарубежной доктрине международное финансовое право в таком аспекте также практически не рассматривалось.

Общим вопросам системности и целостности права посвящены работы таких исследователей, как Ю.Н. Белошапко, С.Г. Дробязко, В.М. Воронин, И.В. Гусев, В.В. Гусев, Р.П. Христофоров, Е.А. Куликов, В.В. Сорокин, И.А. Полищук, В.П. Реутов, С.Н. Овчинников, Д.И. Фельдман и др.

Теоретические вопросы глобальных трансформаций рассматриваются в трудах таких авторов, как В.Г. Барановский, С.Ю. Глазьев, Л.Е. Гринин, А.Я. Капустин, Д.К. Лабин, М.М. Лебедева, И.М. Лифшиц, Н.Н. Мазаева, А.С. Смбтян, В.Л. Толстых, А.В. Фененко, Т.Я. Хабриева, М.В. Харкевич, И.А. Шулятьев, В.М. Шумилов и др.

В современной научной литературе по международной финансово-правовой проблематике следует отметить работы таких российских исследователей, как Л.П. Ануфриева, К.А. Бекяшев, П.Н. Бирюков, А.Г. Богатырев, Л.И. Волова, Г.М. Вельяминов, Г.К. Дмитриева, Н.Г. Доронина, Д.К. Лабин, Л.А. Левина, М.И. Лифшиц, Л.А. Лунц, А.А. Моисеев, Т.Н. Нешатаева, С.Г. Павликов, Г.В. Петрова, В.Е. Понаморенко, О.И. Тиунов, Г.И. Тункин, И.З. Фархутдинов, Т.Я. Хабриева, В.М. Шумилов, Ю.В. Шумилов и др. Эти труды позволили систематизировать принципы и нормы, регулирующие международные финансовые отношения, и заложили базу для понимания международной финансово-правовой проблематики.

В российской научной литературе по международному праву международное финансовое право концептуально трактуется как подотрасль публичного международного экономического права (В.М. Шумилов); как смешанная отрасль права, охватывающая нормы международного права и внутреннего права, а также нормы публично-правовые и частно-правовые (А.Б. Альтшулер, В.М. Корецкий, Л.И. Волова, И.Э. Папушина); как самостоятельная отрасль права (М.А. Шаповалов и др.).

Нет единства в идентификации международного финансового права и в трудах современных зарубежных исследователей, таких как К. Брамер (С. Brummer), Я. Броунли (I. Brownlie), К. Бэмфорд (С. Bamford), П.Ю. Вердье (Р.-Н. Verdier), Ф. Вуд (Ph. Wood), Д. Голд (J. Gold), Й. Дальхьюзен (J. Dalhuisen), Д. Девос (D. Devos), Ф. Джанвити (F. Gianviti), М. Джованоли (M. Givanoli), Р. Ластра (R. Lastra), Д. Карро и П. Жуйяр, А. Ловенфельд, Э. Макнайт (А. McKnight), Ф.А. Манн (F. Mann), П. Нобель (P. Nobel), Дж. Нортон (J. Norton), Э. Пан (E. Pan), Дж. Стиглиц (J. Stiglitz), Р. Ренделл (R. Rendell), П. Себастьянютти (P. Sebastianutti), Б. Симмонс (B. Simmons), Х. Скотт (H. Scott), Р. Теннекоон (R. Tennekoon), Л. Тротаба (L. Trotabas), Дж. Фридланд (J. Friedland) и др.

Важное значение для теоретического осмысления научной проблемы исследования имел корпус правовых исследований, посвященных «мягкому» праву как эффективному методу регулирования сферы международных финансов. В зарубежной правовой мысли аргументация в пользу данного

подхода наиболее последовательно представлена такими авторами, как К. Александер (K. Alexander), Р. Дюмель (R. Dhumale), Э. Авгулеас (E. Avgouleas), К. Брамер (C. Brummer), С. Бунчич (S. Buncic), М. Филипович (M. Filipovic), Р. Делонис (R. Delonis) и др.

В отечественной литературе этот метод подвергнут теоретическому анализу в работах А.В. Демина, Р.А. Колодкина, И.И. Лукашука, И.М. Лифшица, С.Ю. Марочкина, Ю.Б. Фогельсона, Р.М. Халафяна, В.М. Шумилова, Ю.В. Шумилова и др.

Отдельное направление в развитии российской и зарубежной доктрин МФП формируют исследования проблем внедрения исламских принципов в традиционное финансовое регулирование. Это труды Р.И. Беккина, А.Ю. Журавлева, М. Калимуллиной, А.Д. Ларионова, Л.Р. Сюкияйнена и др., а также таких зарубежных исследователей, как С. Архер, Р.А. Абдель Керим, А.А. Зети, М.А. Эль-Гамал, М. Икбал, М. Кемпер, М. Эль-Корчи, Г. Сундарараджан, Р. Уилсон, М.Т. Усмани и др.

Проблематика взаимодействия международного финансового права и внутреннего права в контексте имплементации международных финансовых стандартов получила осмысление в работах П.Н. Бирюкова, И.М. Лифшица, В.Е. Понаморенко, О.И. Тиунова, Г.В. Петровой, Н.Ю. Ерпылевой и ряда других ученых.

Доктринальную основу осмысления правосубъектности международных организаций, устанавливающих стандарты, составили труды А.Я. Капустина, Г.И. Курдюкова, М.С. Лихачева, Н.Е. Тюриной, Г.И. Тункина, Д.И. Фельдмана, Дж. Альвареса, Д. Бредлоу, П.-Ю. Вердьё, Р. Марты, Д. Шелдон, а также консультативные заключения МС ООН, учредительные документы МОУС и др.

Объектом исследования выступают международные публичные финансовые отношения в их современной динамике.

Предметом исследования является международное финансовое право, а именно его предмет, система, отраслевая принадлежность, субъектный состав, источниковая база, правовая природа норм, методы регулирования и контроля за их соблюдением в условиях трансформации мирового правопорядка и перехода к многополярному мироустройству.

Цель исследования – определить состояние действующего международного финансового права, оценить его целостность, системность и особенности функционирования, выяснить перспективы его эволюции в контексте трансформации миропорядка, а также влияние происходящих изменений на российскую и зарубежные доктрины международного финансового права.

Достижение цели исследования осуществляется через решение следующих **задач**:

- уточнить концепт трансформации мироустройства применительно к задачам исследования;

- осуществить концептуализацию признаков системности и целостности МФП и доктрины МФП;
- вскрыть прямые и обратные связи между нормативной надстройкой и предметами/объектами регулирования в современной международной финансовой системе;
- раскрыть соотношение между международным публичным финансовым правом и международным частным финансовым правом;
- доказать принципиальную пригодность и адекватность «мягко-правового» подхода к регулированию международных публичных финансовых отношений;
- обосновать научное понимание международных финансовых стандартов как норм международного финансового права, источников «мягкого права», занимающих промежуточное положение между обязательными нормами международного права и международно-правовыми инструментами, не имеющими обязательной силы;
- на основе исследования доктринальных подходов к оценке международной правосубъектности международных финансовых организаций, устанавливающих стандарты (МОУС) показать, что наличие правилоустанавливающей функции у этих организаций дает основания предположить наличие у них статуса отраслевых квазисубъектов международного финансового права;
- уточнить понимание отраслевой принадлежности, структуры международного финансового права и идейно-теоретических оснований российской и западной доктрин МФП;
- установить уровень институционализации исламского финансового права и его сопряжения со «светским» МФП в контексте трансформационных процессов;
- систематизировать российские подходы к основам международного финансового правопорядка на государственном и научном уровнях, оценить характеристики российского финансового суверенитета в международно-правовом аспекте;
- предложить рекомендации относительно действий России, направленных на трансформацию международного финансового правопорядка.

Методологическая основа диссертационного исследования

Исследование выполнено в русле сравнительного и институционального подходов. Оно опирается на общенаучные и частнонаучные методы, применяемые при изучении правовых явлений: диалектический, логический, конкретно - исторический, структурно - функциональный, формально-юридический, а также принцип системности.

Наряду с этим применяются методы анализа документов, теоретического моделирования, качественного сравнительного анализа, статистический.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили труды по общему международному праву таких авторов, как А.Х. Абашидзе, Л.П. Ануфриева, К.А. Бекашев, П.Н. Бирюков, Д.С. Боклан, Г.М. Вельяминов, Л.И. Волова, Г.М. Даниленко, А.А. Данельян, С.А. Егоров, Н.Ю. Ерпылева, Г.В. Игнатенко, А.С. Исполинов, Р.А. Каламкарян, А.Я. Капустин, А.Л. Колодкин, Н.Б. Крылов, Г.И. Курдюков, Д.К. Лабин, И.И. Лукашук, Ю.Н. Малеев, С.Ю. Марочкин, Т.Н. Нешатаева, А.С. Смбатян, А.Н. Талалаев, В.Л. Толстых, Г.И. Тункин, Н.Е. Тюрина, Е.Т. Усенко, Д.И. Фельдман, С.В. Черниченко, Е.А. Шибаева, Г.Г. Шинкарецкая, В.М. Шумилов, В.М. Шуршалов и др.

В этих работах сформулированы общие подходы к пониманию природы международного права, его отраслевой дифференциации, принципов и институтов, что помогло автору настоящего исследования сформировать свою аналитическую призму.

Нормативно-правовую базу представленного диссертационного исследования составили международные и национальные правовые акты, документы международных финансовых организаций, частные и публичные концепции, теории (Вашингтонского консенсуса, «обусловленности», финансового суверенитета, верховенства права, одиозного долга и др.), программы (устойчивого развития, борьбы с изменением климата и др.), интеграционные проекты (БРИКС, ЕАЭС и др.) и т.п.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования заключается в том, что оно является первым опытом комплексного осмысления системности и целостности международного финансового права и его доктрин, особенностей правовой природы преобладающих в нем норм, осуществленного во взаимосвязи с анализом специфической структуры и характера глобальной финансовой архитектуры, особенностей процесса нормообразования, имплементации норм, специальных финансовых мер мотивации государств к их соблюдению и ответственности за несоблюдение.

В работе впервые представлены систематизация и комплексная оценка подходов отечественных и зарубежных исследователей к международному регулированию международных финансовых отношений, установлена концептуальная дифференциация системности и целостности МФП и доктрин МФП в рамках различных правовых школ, дан анализ характера МФП как преимущественно «мягкого» права, выявлены прямые и обратные связи между нормативной надстройкой и предметом/объектом регулирования в современной международной финансовой системе, представлена критическая оценка зарубежных доктрин МФП, включая исламскую.

Вкладом в отечественную правовую науку являются предложенный автором новый подход к классификации сфер международного финансового регулирования по критериям «публичное/частное», «твердое/мягкое» и «смешанное». Представлена авторская типология международных

финансовых организаций, устанавливающих стандарты (МОУС) и их нормативной продукции (стандартов), которые могут быть квалифицированы как источники «мягкого» права и правовые регуляторы в МФП, а также дан анализ элементного состава и языковых формул значительной группы фактически действующих международных финансовых актов на предмет выявления их соответствия понятию источника права; обоснована необходимость плюралистического подхода к функционированию международного финансового права.

Важным элементом научной новизны работы является вовлечение в научный оборот новейших оригинальных документов и материалов МОУС, официальных данных, зарубежных индивидуальных и коллективных исследований.

Практическая значимость

Практическая значимость работы заключается в возможности использования выводов и рекомендаций автора в работе органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, органов государственного финансового контроля, Банка России при разработке и применении правовых актов финансового регулирования и надзора, а также для оценки применимости в России норм международного финансово-правового регулирования.

Материалы работы могут быть использованы для разработки учебных программ и преподавания таких дисциплин, как «Международное финансовое право», «Право международных финансовых организаций», «Право МВФ», «Международные стандарты финансовой деятельности государства» и других смежных дисциплин в системе высшего образования.

На основе проведенного диссертационного исследования и сделанных из него основных выводов были сформулированы следующие положения, выносимые на защиту:

1. В системе межгосударственных отношений в настоящее время происходят качественные изменения, что находит отражение в характере международного финансово-правового регулирования и его научной концептуализации. Российская доктрина обосновывает необходимость существенной трансформации международного финансового права в интересах всех государств; западная доктрина признает ряд изменений в международном финансовом правопорядке, но нацелена на устранение лишь отдельных недостатков.

2. В современном международном праве практически сформирована отдельная самостоятельная отрасль - международное финансовое право, которая соответствует всем необходимым критериям системности и целостности данного нормативного комплекса. При этом сохраняющейся особенностью современного международного финансового правопорядка является приоритетное обеспечение посредством МФП интересов развитых (западных) стран. Различия в доктринах – и как следствие в международном

правосознании элит – отражается в практике применения и толкования норм МФП, в его фрагментации. Цивилизационный подход позволяет выделить еще одну специфическую сферу правопорядка- исламское финансовое право.

3. Взаимодействие по всем каналам и на всех уровнях МФП и внутреннего национального права, прежде всего финансового права, ведет к конвергенции режимов финансово-правового регулирования в государствах, включая проблематику надзора за банками. Важнейшим каналом воздействия на внутренние правовые режимы в финансовой и банковской сфере являются нормы «мягкого» финансового права. Это воздействие усилено надзором за внедрением «мягко-правовых» международных финансовых стандартов в национальное право со стороны ряда международных организаций.

4. Характерной особенностью ряда западных доктрин является смешение в предмете регулирования МФП публичных и частно-правовых отношений. Это ведет к размыванию предмета, субъектного состава и источниковой базы международного финансового права, которое понимается российской школой МП исключительно как публично—правовое явление.

Вместе с тем следует признать объективную необходимость и научную правомерность в доктринальном выделении специфического частноправового образования – международного частного финансового права (МЧФП), которое объединяет все нормы и институты международного частного права, регулирующие финансовые отношения международного характера.

5. Значительные сферы международных финансовых отношений, особенно в банковском секторе, находящемся, как правило, под надзором центральных банков, регулируются так называемыми «финансовыми стандартами» - нормами и актами, принимаемыми специфическими международными - немежгосударственными - структурами.

Международные финансовые стандарты являются абстрактными правилами поведения, сформулированными как предписание определенного поведения, устанавливают права и обязанности для субъектов публичных правоотношений (в частности для центробанков), имеют специфические структурные особенности, адресованы неопределенному кругу лиц и рассчитаны на многократное применение, однако не содержат правил ответственности государств и прочих субъектов за их нарушение. По своей сути данные финансовые стандарты заменяют «жестко-правовое» регулирование «мягко-правовым», которое оказывается более эффективным.

Таким образом, в обеспечении международного финансового порядка, помимо чисто международно-правовых регуляторов, задействованы «мягко-правовые» регуляторы. Будучи инкорпорированными во внутреннее право, «мягко-правовые» финансовые нормы трансформируются в «жестко-правовой» инструментарий регулирования – становятся частью внутреннего финансового права. Применительно к внутренним правовым системам и режимам указанные стандарты играют ту же роль, что и классические источники международного права. Применительно к МФП эти стандарты

занимают промежуточное положение между обязательными нормами международного права и международно-правовыми инструментами, не имеющими обязательной силы. При этом *устойчивую и всеобщую практику* государств по применению международных финансовых стандартов для регулирования международных финансовых отношений можно рассматривать как отраслевое *обыкновение в международном финансовом праве*.

6. Явление международных финансовых стандартов и их роль в обеспечении международного финансового порядка составляет отраслевую специфику МФП. Международные структуры (институты), устанавливающие/издающие стандарты, обладают различным правовым статусом и различной международной правосубъектностью: некоторые из них являются международными межгосударственными организациями, другие юридическими лицами конкретных национальных юрисдикций, третьи – функционируют при международных организациях, четвертые не обладают какой-либо организационно-правовой формой (группы экспертов) – далее МОУС.

Однако все указанные институты являются ключевыми участниками международных публичных финансовых отношений и несущими элементами глобальной финансовой архитектуры, и в этом качестве признаются государствами в качестве носителей правилоустанавливающей функции. Эта их функция является одной из специфических особенностей функционирования децентрализованного и в значительной степени деформализованного «мягко-правового» механизма регулирования в современном международном финансовом миропорядке.

Наличие правилоустанавливающей функции у всех МОУС независимо от признания за ними статуса субъектов международного права по общему международному праву, дает основания предположить наличие у таких МОУС общего для них статуса отраслевых квазисубъектов международного финансового права, где объединяющим классифицирующим признаком является наделение государствами (явным образом или имплицитно) таких МОУС правом создавать правила поведения.

7. Международный финансовый миропорядок обеспечивается, таким образом, в значительной степени «мягко-правовыми» нормами МФП. Данное обстоятельство позволяет констатировать объективную тенденцию к деформализации и децентрализации процессов нормообразования, смещения акцентов в системах государственного администрирования от властно-иерархических моделей к модели доверительно-партнерского взаимодействия между властными субъектами и частными лицами; энергичной интервенции новых форм регламентации трансграничных отношений, которые охватывают все новых игроков и области регулирования, а в конечном итоге тенденцию к образованию «глобальной нормативной системы», описанной в российской международно-правовой литературе. В условиях неизбежной фрагментации и

неопределенности официальных источников права «мягкое право» зачастую выступает альтернативой не праву, но – полному отсутствию юридических норм в условиях реальной потребности в регулировании.

8. Вместе с предметом регулирования посредством МФП адекватно расширяется и диверсифицируется система МФП. Система международных межгосударственных финансовых отношений, заточенная на *публичный интерес* по обеспечению международной финансовой стабильности, определяет институциональную структуру МФП, которую образуют такие правовые институты, как право международной финансовой стабильности, право международных финансовых организаций, институт финансирования развития, международное налоговое право, институты банковского, фондового, страхового регулирования и надзора, противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ), финансовой кибербезопасности и др.

Взгляды на предмет регулирования и систему МФП являются основными критериями, по которым расходятся российская и западная доктрины МФП. Для западных доктрин характерны следующие трактовки места и роли МФП: МФП – это отрасль международного публичного права; частно-правовая отрасль; часть публичного международного права, часть национального финансового права; комплексная публично-частная отрасль права, а также часть финансового права зарубежных стран.

В российской доктрине преобладающей позицией является отнесение МФП к публичной отрасли права, подотрасли международного экономического права. В исламской доктрине международное измерение не выделяется: любые отношения, включая международные публичные, должны подчиняться принципам шариата.

Представляется, что структура МФП должна включать следующие институты: право международной финансовой стабильности; право устойчивого развития; международное кредитно-долговое право; право международных финансовых организаций; международное налоговое право; институт противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ); институты банковского, страхового, фондового регулирования и надзора; институт центрального банкинга, международно-правовое регулирование финансовых инфраструктур, международно-правовое регулирование офшорных зон, международно-правовое регулирование поиска и репатриации похищенных активов, исламское финансовое право.

9. Для идейно-теоретических основ западных доктрин правового регулирования современных международных финансовых отношений характерен прежний – неокOLONиальный – подход к международной финансовой системе и финансовому миропорядку, предполагающий гегемонию западной локальной цивилизации.

Дополнительными идеями, формирующими правосознание западной правящей элиты, применительно к доктринам финансового миропорядка

служат такие принципы и теории, как Вашингтонский консенсус, «обусловленность» предоставления финансирования «*conditionality*», верховенство права, концепции «*path dependence*» (следование предшествующему пути), «*level playing field*» (равные условия деятельности), «*laissez-faire*» (невмешательство государства), «*odious debt*» (одиозный долг) и др., понимаемые и трактуемые в интересах Запада.

Идейной основой исламской финансово-правовой доктрины являются нормы Корана и Сунны, что, однако, не исключает ее способности адаптироваться к трансформирующемуся международному финансовому правопорядку.

Устойчивость идейно-правовых и религиозных основ парадигмы функционирования современной международной финансовой системы является основным препятствием трансформации существующего миропорядка в многополярный.

10. Фрагментация международной финансовой системы по типу регулирования на традиционную и исламскую при серьезном усилении последней свидетельствует о снижении авторитета западного финансового регулирования в мире и позволяет расценивать исламскую финансовую доктрину как перспективную политико-правовую платформу регионального финансового правопорядка. Данное обстоятельство подтверждает также тенденцию на корректировку доли участия тех или иных локальных цивилизаций в управлении финансовым миропорядком и контроле над ним.

Перед МФП современного периода стоит, среди прочего, задача сопряжения исламского финансового права со «светским» МФП при повышении их эффективности в обеспечении финансового миропорядка.

11. Современный международный финансовый правопорядок отражает низкое состояние законности в системе международных финансово-правовых отношений, что, в свою очередь, объясняется западной практикой управления глобальной финансовой системой, которая в итоге обнаруживает свой недемократичный, нелегитимный и несправедливый характер. В результате даже Россия не обладает внешним финансовым суверенитетом: ее самостоятельные внешние финансовые решения не имеют возможности реализации через существующую сеть международных финансовых и правовых институтов.

12. Международное финансовое право как правовая отрасль, с одной стороны, демонстрирует высокую степень устойчивости и внутренней сбалансированности, а с другой стороны, продолжает эволюционировать за счет появления и расширения новых сфер регулирования: финтех, ESG, цифровизация, климатическая повестка, криптовалюты и пр. Происходит естественное и объективное углубление и расширение специализации правовых институтов в каждом из финансовых сегментов – банковском, страховом, фондовом и др.

В обозримом будущем не стоит ожидать расширения зоны международного финансового регулирования актами «твердого» международного права, в том числе через «отверждение» «мягкого» права, хотя такой вариант теоретически допустим. Возможно также расширение сегмента мировой финансовой системы, основанного на исламских принципах регулирования, и сужение в связи с этим сектора традиционного регулирования.

Можно ожидать усиления региональной фрагментации мировой финансовой системы и создания торговых и финансовых зон, отделенных от западных стран и финансовых институтов, с соответствующими последствиями.

Обоснованность и степень достоверности

Основные результаты исследования обоснованы и подтверждены значительным объемом использованного эмпирического материала, глубоким и всесторонним анализом отечественных и зарубежных научных трудов по теме исследования, включая новейшую научную литературу, следованием научной методологии.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений и списка источников и литературы.

В первой главе осуществляется концептуализация теоретических критериев целостности и системности в доктрине международного финансового права в условиях трансформации мироустройства. Во второй главе раскрываются прямые и обратные связи между нормативной надстройкой и предметами/объектами регулирования в современной международной финансовой системе. В третьей главе анализируется характер международных финансово-правовых норм и их основного вида – международных финансовых стандартов, а также правосубъектность и «мягкое» нормотворчество МОУС. Четвертая глава посвящена критике зарубежных доктрин международного финансового права. В пятой главе исследуются особенности современного международного финансового правопорядка с точки зрения российской доктрины международного финансового права и российских интересов, представлены рекомендации относительно действий России в этой сфере.

Личный вклад автора является определяющим и заключается в непосредственном участии автора на каждом этапе исследования: от постановки целей и задач диссертационного исследования до отражения его в научных публикациях и докладах автора.

Соответствие паспорту специальности

Область исследования соответствует следующим пунктам паспорта специальности ВАК 5.1.5. Международно-правовые науки

Направления исследований:

1. Международно-правовые науки: объект, предмет, методология, функции, история институтов. Взаимодействие с другими науками. Концепции международного права.

2. Проблемы предмета и методов регулирования международного права. Система международного права.

3. Учение о международной правосубъектности. Государство как основной субъект международного права. Негосударственные акторы и международное право.

5. Право международных организаций. Правовая природа, статус, компетенция международных межправительственных организаций, международных неправительственных организаций, квазиорганизаций. Нормотворческая деятельность международных организаций. Внутреннее право международных организаций. Международные конференции.

6. Источники международного права. Основные принципы международного права. Международные правоотношения.

7. Международное правотворчество. Прогрессивное развитие и кодификация международного права.

8. Взаимодействие международного и внутригосударственного права. Применение и имплементация норм международного права в национальных правовых порядках.

10. Право международных договоров.

20. Международное экономическое право и международно-правовое сотрудничество в отдельных сферах экономической деятельности.

21. Взаимодействие международного публичного и международного частного права. Международные публично-правовые основы регулирования частноправовых отношений. Международное сотрудничество и роль международных организаций в регулировании отношений, осложненных иностранным элементом.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы диссертационного исследования, охарактеризована степень научной разработанности темы, сформулированы цели и задачи диссертации, определены ее объект и предмет, методологическая, теоретическая, правовая и эмпирическая основы исследования, обоснована научная новизна, положения, выносимые на защиту, определены теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования, приведены сведения об их апробации и структуре работы.

В Главе 1 «Теоретические критерии целостности и системности в доктрине международного финансового права в условиях трансформации мироустройства» проведено исследование природы современного мирового

правопорядка, содержания его трансформации, критериев системности и целостности международного финансового права.

В параграфе 1.1 «Концепт трансформации мироустройства в рамках исследования» анализируются подходы отечественной и зарубежной правовых доктрин к происходящим в системе межгосударственных отношений качественным изменениям. В российской доктрине они интерпретируются как процесс формирования многополярного мироустройства и содержательно раскрываются через деглобализацию, регионализацию, цифровизацию, структурную перестройку мировой экономики и другие процессы.

Подчеркивается, что глобальная трансформация неизбежно экстраполируется на международное финансовое право, в частности, отмечается расширение сферы применения исламского финансового права. Несмотря на неопределенность в отношении масштабов этих перемен, обосновывается тезис о сохранении регулятивного потенциала международно-правового инструментария.

Западные исследователи признают ряд происходящих изменений, но трактуют их не как системную трансформацию миропорядка, а как фрагментацию глобального финансово-правового пространства или наложение друг на друга новых вызовов - изменения климата, цифровизации, кибербезопасности, борьбы с бедностью и других. Соответственно, предлагаются и отдельные решения этих проблем.

В параграфе 1.2 «Общее понимание целостности и системности международного финансового права и доктрины международного финансового права» выявляется специфика системности и целостности международного финансового права, понимаемых как его соответствие критериям наличия совокупности первичных элементов, сложных компонентов, устойчивых связей между нормами в рамках институтов и между институтами, наличия системообразующих факторов – регулируемых общественных отношений, внутренних и внешних связей норм, принципов и институтов внутри МФП и вовне, связей самого МФП с другими правовыми системами, прежде всего с международным правом и внутренним правом, с мягким правом, с международной финансовой системой, а также упорядоченность, специальный категориальный аппарат и др.

Указано, что системность и целостность исламской финансовой доктрины, несмотря на наличие различных направлений и многочисленных мазхабов (школ), обеспечивается единой источниковой базой в форме Корана и Сунны, включенностью в качестве составной части в фикх (исламскую юридическую науку), а также востребованностью в условиях неочевидности перспектив формирования нового миропорядка.

В параграфе 1.3 «Международные финансовые отношения как фундамент целостности и системности международного финансового права» представлено научное обоснование предмета регулирования –

международных финансовых отношений – как одного из ключевых факторов системности и целостности международного финансового права.

В параграфе 1.4 «Интегрирующие факторы системы международного финансового права» исследованы такие факторы системы МФП, как нормы и принципы, институты, методы, функции, цели, упорядоченность и категориальный аппарат.

В параграфе 1.5 «Дифференциация понимания целостности и системности международного финансового права и доктрины международного финансового права» дан комплексный анализ общих и отличительных признаков системности и целостности международного финансового права и доктрин международного финансового права, восходящих к субъективности ученых в международной финансово-юридической науке, а также отмечены различия в природе западной доктрины МФП как доктрины либерализма и российской доктрины как доктрины общецивилизационного типа.

Сделан вывод, что наличие изменений в системе межгосударственных политических, экономических и юридических отношений несомненно и в целом признается в доктринах. На данном этапе трансформация мироустройства выступает не как свершившийся факт, а как процесс и научная гипотеза, которая находится в стадии концептуализации. Речь идет о трансформации осмысления мирового финансового правопорядка и научно-теоретической верификации перехода международной системы к многополярному мироустройству, затрагивающего и международное финансовое право.

МФП обладает всеми признаками и соответствует всем критериям целостности и системности: это устойчивая множественность норм, связанных предметными и функциональными связями, субъектами, целями и задачами, и выступающая как самостоятельное образование, взаимодействующее с одной стороны с нормами внутреннего права, и с другой стороны – с публичными международными отношениями, которые являются фундаментом системности и целостности и принципиальным фактором устойчивости МФП.

Международные финансовые отношения, являясь *предметом* международного финансово-правового регулирования, определяют природу и характер международного финансового права. МФП отражает качество, характер и структуру международных финансовых отношений, в частности их финансово-долговой характер и нацеленность на обеспечение интересов западных стран.

Общие и специальные принципы скрепляют и увязывают материю международного финансового права, обеспечивают стабильность международного финансово-правового регулирования с 1940–х годов.

Глоссарии, перечни, лексиконы и иные собрания финансовых терминов международных финансовых регуляторов и МОУС призваны обеспечить унифицированное понимание соответствующей финансовой терминологии,

выявить особенности применения и понимания того или иного термина в соответствующей отрасли права, связать нормы разных международных финансово-правовых актов перекрестными ссылками, содействуя углублению и укреплению системности и целостности международного финансового права.

В Главе 2 «Прямые и обратные связи между нормативной надстройкой и предметом/объектом регулирования в современной международной финансовой системе» рассматривается соотношение международного финансового и внутреннего финансового права как один из факторов системности и целостности МФП, раскрываются прямые и обратные связи этих правовых систем, анализируются механизмы внедрения норм международного финансового права в национальные финансово-правовые системы и контроля за их соблюдением, а также формулируется концепция международного частного финансового права.

В параграфе 2.1 «Имплементация норм МФП в национальной правовой системе» исследованы пути и методы внедрения норм международного финансового права в национальные правовые системы России и зарубежных государств.

Прямое воздействие норм международного финансового права на правовую систему России осуществляется через акты органов законодательной и исполнительной власти и Банка России в основном тремя способами: признанием прямого действия международного договора, инкорпорацией международного договора и отсылкой к международному договору. В современной российской юридической литературе для обозначения способов внедрения международного права во внутреннюю правовую систему используется термин «имплементация», что в силу его многозначности трактуется как трансформация, адаптация, инкорпорация, рецепция, отсылка, а в западной доктрине - «трансплантация».

Нормы международного права реализуются во внутренней правовой системе государства в таких формах, как соблюдение, исполнение, использование, адаптация, инкорпорация, трансформация, рецепция, отсылка.

В параграфе 2.2 «Контроль за соблюдением норм МФП в национальной правовой системе как форма обратной связи» исследуются четыре формы обратной связи как методы контроля за соблюдением норм МФП: выдача новых рекомендаций государству по результатам проверки, изменение норм по результатам обобщения практики их имплементации в национальных юрисдикциях; присвоение юрисдикции низкого рейтинга соответствия и внесение в список «несотрудничающих юрисдикций»; признание государства «соответствующим всем стандартам».

Полномочиями по контролю за соблюдением стандартов обладают практически все МОУС согласно своим учредительным документам, например, через Программы оценки финансового сектора (ФСАП) и Доклады о соблюдении стандартов и кодексов (РОСК) МВФ и Всемирного банка.

Ввиду неоднозначных последствий имплементации международных финансовых стандартов в российскую правовую систему и их влияния на внутреннее финансовое регулирование эта практика подвергается обоснованной критике.

В параграфе 2.3 «Соотношение между международным публичным финансовым правом и международным частным финансовым правом. Концепция международного частного финансового права» анализируется влияние международного финансового права как права публичного на частные финансовые отношения и наоборот.

Подчеркивается произвольное смешение в предмете регулирования МФП публичного и частного элемента, что ведет к расширению предмета правового регулирования международного финансового права, к размыванию предмета, субъектного состава и источниковой базы МФП.

Констатируется, что взаимодействие МФП и международного частного финансового права (МЧФП) заключается не в произвольном включении частных лиц в субъектный состав МФП или добавлении международных актов, регулирующих частные отношения, в источники МФП, а в признании факта регулирования публичных финансовых отношений нормами, разработанными юридическими лицами частного права.

Обоснована объективная необходимость и научная правомерность доктринального выделения специфического частнопровового образования – международного частного финансового права (МЧФП), которое объединяет все нормы и институты международного частного права, регулирующие финансовые отношения международного характера, - в самостоятельный правовой институт вне рамок МФП.

Сделан вывод, что в российской доктрине и практике признается *прямое и обратное влияние* международного финансового права на формирование внутреннего финансового права и на функционирование органов национального финансового регулирования и надзора.

Прямые связи международного и внутреннего права выражаются во внедрении (имплементации) норм международного права во внутреннюю правовую систему через различные каналы – законодательную и исполнительную власть, акты Банка России, Федеральной налоговой службы и Росфинмониторинга.

Обратные связи возникают в процессе проверки страны на предмет соблюдения международных финансовых стандартов и выражаются в четырех формах: выдаче новых рекомендаций государству по результатам проверки; изменении международных финансовых стандартов по результатам обобщения практики их имплементации в национальных юрисдикциях; присвоении юрисдикции низкого рейтинга соответствия и внесении в список «несотрудничающих юрисдикций»; признании государства «соответствующим всем стандартам».

Наиболее эффективной формой обратной связи как механизма воздействия на «несотрудничающие» юрисдикции в целях побуждения к соблюдению соответствующих международных правил является опубликование результатов проверки с публичным осуждением либо включением в «серые» или «черные» списки, что влечет негативные репутационные и финансовые последствия. Эта форма обратной связи выполняет функцию «мягкой» ответственности в международном финансовом праве.

Основными методами внедрения норм МФП в российскую финансово-правовую систему являются прямая и косвенная трансформация и отсылка, более известные в западной доктрине как «правовая трансплантация». Будучи инкорпорированными в национальное право, «стандарты превращаются в «твердое право» и, таким образом, обеспечиваются применением силы, становятся принудительно исполнимыми»⁶.

Таким образом, особенностью процесса современного международного финансового регулирования, отраженного в правовых доктринах, является принятие международным сообществом и использование государствами норм, разработанных частными организациями-регуляторами, причем эти нормы используются наравне с нормами публичных регуляторов.

В Главе 3 «Международные финансовые стандарты в доктрине МФП и практике международного финансово-правового регулирования» исследуется правовая природа норм МФП, международных финансовых стандартов как норм МФП, правосубъектность международных организаций, устанавливающих стандарты, а также особенности метода «мягкого» права в международном финансовом нормотворчестве и использовании «мягко-правовых» стандартов в регулятивном контексте.

В параграфе 3.1 «Международные финансово-правовые нормы в системе МФП» показано, что значительный сегмент международных финансовых отношений регулируется методом «мягкого» права, а сами «мягко-правовые» нормы в форме международных финансовых стандартов являются ключевым инструментом такого регулирования. Представлена таблица международных финансовых взаимодействий с выделением тех, которые регулируются стандартами.

В нормативном массиве современного МФП «мягко-правовые» нормы используются для регулирования многосторонних межгосударственных взаимодействий в сфере обеспечения стабильности мировой и национальных финансовых систем, финансовых инфраструктур, устойчивого развития, противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма и др., в то время как нормы «твердо-правовых» международных договоров - для регулирования двухсторонних межгосударственных финансовых договоров и

⁶ Кудряшов В.В. Мягкое право как метод регулирования международных финансовых отношений в зарубежной доктрине международного финансового права//Московский журнал международного права. 2013. Т.2. № 90. - С. 70-89.

договоров государств с международными финансовыми организациями (МБРР, МФК, ЕБРР, БМР и др.) - заемных, кредитных, о валютой политике и т.п. Два вида норм гармонично сочетаются и дополняют друг друга в регулировании международных публичных финансовых отношений.

В отечественной доктрине, в отличие от западной, пока преобладает скептическое отношение к нормам «мягкого» права. При этом оно более характерно именно для доктрины, чем для политики государства, в рамках которой происходит их активная инкорпорация во внутреннее финансовое регулирование. Смягчение жестких позитивистских позиций российской доктрины в отношении роли и регулятивного потенциала «мягко-правовых» норм в международном финансовом праве представляет собой одну из целей настоящего исследования.

В параграфе 3.2 «Международные финансовые стандарты как нормы международного финансового права» обосновано, что МФСт не являются результатом практики государств: они создаются «регулятивными сетями» - специальными финансовыми организациями - и по своей природе являются «мягко-правовыми».

МФСт - это обособленная категория «мягко-правовых» норм публичного международного финансового права, регулирующих международное многостороннее взаимодействие по обеспечению мировой финансовой стабильности, и охватывающих три ключевые сферы: макроэкономическую политику и прозрачность данных; финансовое регулирование и надзор; институциональную и рыночную инфраструктуру.

Международные финансовые стандарты характеризуются вариативностью форм, различаются по степени обязательности и по охвату, разрабатываются как одним, так и несколькими регуляторами совместно, регулярно обновляются. Они бывают пруденциальные и регулятивные и имеют несколько форм взаимодействия между собой.

Пятнадцать стандартов поддерживаются Советом по финансовой стабильности (СФС) в качестве «ключевых стандартов для обеспечения надежности финансовых систем» и объединены в Компендиум стандартов СФС. Соблюдение стандартов контролируют МОУС.

Международные финансовые стандарты являются абстрактными правилами поведения, сформулированы как правовые нормы, и по структуре, содержанию и другим свойствам отвечают критериям международной правовой нормы; их требования обращены к неопределенному кругу субъектов, они рассчитаны на многократное применение, устанавливают права и обязанности субъектов публичных правоотношений. Наличие в стандартах специального указания на их необязательность не умаляет их нормативных свойств, а лишь отражает особенности действия стандартов в правопорядке, основанном на осознанном и добровольном их признании и соблюдении.

«Мягко-правовой», юридически необязательный характер международных финансовых стандартов исключает применение судебного суждения как механизма определения правовой природы норм, а также применение мер международной юридической ответственности за их несоблюдение. Применение неправовых (несудебных) форм принуждения в международных финансовых отношениях является особенностью этих отношений и *широкой международной практикой*.

Основными стимулами для внедрения международных финансовых стандартов во внутреннее финансово-правовое регулирование являются рыночные, а не юридические (судебные) механизмы в форме репутационных издержек и финансовых санкций (снижение рейтингов, включение в черные списки, сокращение финансирования и ухудшение его параметров и др.).

«Мягко-правовые» международные финансовые стандарты широко применяются в мире в сфере обеспечения глобальной финансовой стабильности и стабильности режимов внутреннего финансово-правового регулирования.

В современном международном финансовом праве международные финансовые стандарты выступают преобладающей формой международного финансового регулирования, что отражает специфику и своеобразие международного финансового права: являясь, ввиду отсутствия формальной обязательности, инструментами «мягкого права», эти стандарты на национальном уровне приобретают обязательный характер, что сближает их с классическими источниками международного права, такими как договоры, обычаи и общие принципы права, и позволяет сформулировать положение о том, что в современных условиях в международном финансовом праве эти стандарты занимают промежуточное положение между обязательными нормами международного права и международно-правовыми инструментами, не имеющими обязательной силы. При этом *устойчивую и всеобщую практику* государств по применению международных финансовых стандартов для регулирования международных финансовых отношений можно рассматривать как отраслевое *обыкновение в международном финансовом праве*.

В параграфе 3.3 «Доктринальные подходы к правосубъектности МОУС» рассматриваются основные подходы к правосубъектности МОУС. Показано, что правовой статус и деятельность МОУС как субъектов трансляции в основном западной правовой мысли и воли, отражают сущность современного международного финансового правопорядка.

Основными международными финансовыми организациями, устанавливающими стандарты (international standards-setters), по мнению автора настоящего исследования, являются двадцать организаций, тринадцать из которых включены в состав Компендиума СФС.

Деятельность всех МОУС носит некоммерческий характер, во всех организациях существуют собственные органы управления, организации

финансируются за счет взносов членов и иных финансовых поступлений. Ряд МОУС имеют формальные наднациональные полномочия.

Правосубъектность МОУС является одной из главных правовых категорий международного финансового права и устанавливается международными актами «твёрдого» международного права, учредительными документами и внутренними регламентами самих МОУС, а также международной практикой.

Исламские МОУС не входят в число «широко признанных» и «ключевых» на международном уровне, хотя и являются таковыми для исламских юрисдикций и регионов мира. СФС их официально не признает и не поддерживает их стандарты.

МОУС, согласно уставам, имеют право сотрудничать с другими международными субъектами.

Разработка норм международного финансового права и контроль за их соблюдением - это уставная способность, основная функция и прямая обязанность МОУС. Ряд МОУС пользуются судебными и иными иммунитетами.

Международных договоренностей об ответственности МОУС нет, процедур предъявления к ним претензий в связи с их уставной деятельностью ни в международном праве, ни во внутренних регламентах не предусмотрено.

МОУС обладают различным правовым статусом и различной международной правосубъектностью: некоторые из них считаются международными организациями международного права, другие юридическими лицами конкретных юрисдикций, третьи – функционируют при международных организациях, четвертые не считаются правосубъектными (группы экспертов).

Все МОУС из состава Компендиума СФС являются производными субъектами международного права международными финансовыми регуляторами и нормотворцами (*правилотворящими организациями*).

Все международные организации, устанавливающие стандарты, признаются государствами в качестве носителей правилоустанавливающей функции.

Наличие правилоустанавливающей функции у всех МОУС независимо от признания за ними статуса субъектов международного права по общему международному праву, дает основания предположить наличие у таких МОУС общего для них статуса *отраслевых квазисубъектов международного финансового права*.

В параграфе 3.4 «Теоретико-правовые аспекты «мягкого» нормотворчества» проанализирована правовая природа норм МФП как результат не прямой правотворческой деятельности государств в рамках членства в международных финансовых организациях (МОУС).

Установлено, что современный процесс международного финансового нормотворчества характеризуется такими чертами, как отсутствие

специального международного правового акта в этой сфере; конечный продукт нормотворчества – норма международного финансового права – носит рекомендательный, юридически необязывающий характер; нормы разрабатываются субъектами, имеющими специфический международно-правовой статус (МОУС); нормы разрабатываются *специализированными* международными финансовыми организациями, поскольку предмет регулирования весьма технически сложен, охватывает многочисленные виды деятельности и типы финансовых инструментов; нормы формулируются весьма широко и их структура специфична; нормы имеют секторальную специализацию, подразделяются на несколько типов (рекомендации, кодексы, стандарты, принципы, руководства, лучшая практика и пр.); имплементация норм обеспечивается финансовыми санкциями и др.

Нормотворчество МОУС в сфере международного финансово-правового регулирования рассматривается в настоящей работе как совокупность норм внутреннего права МОУС и как часть международно-правового регулятивного процесса. В основе процесса нормотворчества в МФП лежат такие принципы, как неформальность, децентрализация, консенсус, прозрачность, легитимность, достаточность, преемственность, национальное внедрение, международный контроль за соблюдением и др.

Процесс современного международного финансового нормотворчества характеризуется в целом снижением роли и значения «твердо-правовых» юридически обязывающих международных актов в пользу юридически необязывающих «мягко-правовых» норм – разнообразных кодексов, стандартов, лучшей практики, руководств и пр., а также активным участием несuverенных образований в создании необязательных, но эффективных правил.

Разработка стандартов для регулирования международных финансовых отношений является основной функцией МОУС, предусмотренная их мандатами и санкционированная учредителями, регулируется внутренними регламентами и неписаной практикой этих организаций. Компетенция МОУС по выработке регулятивных норм для сферы мировых финансовых отношений является элементом их правоспособности, установлена их учредительными документами и не оспаривается.

Современное международное финансовое нормотворчество выступает также методом гармонизации и унификации правил международного и национального финансово-правового регулирования. Нормативное регулирование МОУС в известной части направлено на изменение внутренних режимов финансово-правового регулирования, где в итоге «мягкие» нормы превращаются в «твердые», но - внутреннего права.

Толкование норм является частью нормотворческого процесса. Для этих целей в МОУС могут создаваться специальные подразделения.

Нормотворчество в сфере исламских финансов можно назвать таковым в определенном смысле условно, поскольку считается, что Коран и Сунна как

всеобъемлющие источники исламского права регулируют все стороны жизни и деятельности мусульман и юридических лиц, и новые нормы могут регулировать только очень конкретные темы в рамках и пределах предписаний Корана и Сунны.

Нормотворческая деятельность исламских финансовых организаций схожа с деятельностью традиционных регуляторов, но, естественно, больше опирается на разработки узкой группы специалистов по исламскому праву. Специалисты указывают, что «значительное большинство конкретных норм мусульманского права - итог его доктринальной разработки»⁷, что «мусульманское право представляет собой замечательный пример «права юристов». Оно было создано и развивалось частными специалистами»⁸.

Сделан вывод, что «мягко-правовые» акты, подобно источникам права, выступают результатом целенаправленных (сознательно-волевых) усилий управомоченных субъектов. Они формируются в рамках хорошо институционализированных нормотворческих процедур и снабжены организованными средствами контроля за соблюдением. По своей логической структуре и текстуальному изложению «мягко-правовые» нормы обнаруживают значительное сходство с правовыми нормами; «они формулируются не описательно (дескриптивно), но – как требования должного, т.е. прескриптивно»⁹.

Международные финансовые стандарты как правовые нормы имеют определенные структурные особенности, как-то: отсутствие четкой гипотезы и соответствующей ей диспозиции, а также отсутствие санкции; гипертрофированность гипотезы и диспозиции; размещение гипотезы и диспозиции одного регулятивного правила (нормы) в разных документах; широта и общий характер формулировок; своеобразный стиль изложения, использование исключительно английского языка для написания текстов стандартов, и др.

Имплементация стандартов обеспечиваются квазиадминистративным принуждением – через финансовые ограничительные меры.

Реализация международных финансовых стандартов осуществляется национальными регуляторами через внутреннее законодательное или нормативное регулирование. Выбор способа реализации предоставлен национальным властям. Будучи инкорпорированными в национальное право, например, в форме указаний центрального банка, эти нормы превращаются в «твердое право» и, таким образом, становятся принудительно исполнимыми.

Международные финансовые стандарты являются результатом поиска новых форм международного финансового регулирования, отражают своеобразие современного международного финансового правопорядка и занимают в нем ведущие позиции, но в обозримой перспективе, как

⁷ Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986. - С.70.

⁸ Schacht J. An Introduction to Islamic Law. Ox., 1966. - P. 5.

⁹ Там же.

представляется, не предполагают трансформации в юридически обязывающие многосторонние соглашения «твердого» права.

Стандарты взаимодействуют между собой, усиливая друг друга перекрестными ссылками, либо воплощая совместный труд нескольких МОУС.

Одной из особенностей практики применения стандартов является включение норм, установленных частными организациями, в режимы публичного регулирования, а наличие нескольких общих форумов (Группа двадцати, СФС, ОФ) позволяет исключить конфликт стандартов.

Нормы «твердого» международного права сочетаются и дополняются нормами «мягкого» международного права и укрепляют всю систему международного финансового права.

Государства признают международные финансовые стандарты и следуют им в отношениях с другими субъектами международного финансового права, а также используют для внутреннего финансового регулирования. Эти стандарты занимают промежуточное положение между обязательными нормами международного права и международно-правовыми инструментами, не имеющими обязательной силы. При этом *устойчивую и всеобщую практику* государств по применению международных финансовых стандартов для регулирования международных финансовых отношений можно рассматривать как отраслевое *обыкновение в международном финансовом праве*.

Правосубъектность МОУС является одной из ключевых правовых категорий современной доктрины международного финансового права, она устанавливается международными актами «твёрдого» и «мягкого» международного права, актами национального права, внутренними регламентами самих МОУС, а также признается практикой межгосударственных отношений.

Наличие правилоустанавливающей функции у всех МОУС независимо от признания за ними статуса субъектов международного права по общему международному праву, дает основания предположить наличие у таких МОУС общего для них статуса отраслевых квазисубъектов международного финансового права, где объединяющим классифицирующим признаком является наделение государствами (явным образом или имплицитно) таких МОУС правом создавать правила поведения.

Подходы западной доктрины к критериям международной правосубъектности «международных организаций» отличаются от российских: она не требует соблюдения таких критериев «международной организации» как учреждение исключительно государствами на основе международного договора и обязательного членства только государств.

Распространение международного «мягко-правового» финансового нормотворчества связывают в доктринах со снижением роли и значения «твёрдо-правовых» юридически обязывающих международных договоров и

соглашений. Это процесс непрямого нормотворчества государств, поскольку разработка норм делегирована международным финансовым организациям, не имеющим формального статуса международных организаций.

Эффективность процесса нормотворчества, надежность его функционирования опирается на ряд принципов, важнейшим из которых является консенсус, добровольное исполнение государствами обязательств по внедрению принятых норм, наднациональный контроль за соблюдением.

Функция нормотворчества, единая цель и методы объединяют МОУС в цельный институциональный блок, формирующий костяк современной глобальной финансовой архитектуры, усиливающий устойчивость и целостность системы международного финансового права.

В основе роста внимания к «мягкому праву» лежат объективные тенденции деформализации и децентрализации процессов нормообразования, энергичная интервенция новых форм регламентации трансграничных отношений захватывают все новых игроков и области регулирования.

«Мягко-правовая» концепция отражает объективные реалии усложняющегося современного мира, скорость изменений в котором непрерывно возрастает. В условиях неизбежной фрагментации и неопределенности официальных источников права «мягкое право» зачастую выступает альтернативой не праву, но - полному отсутствию юридических норм при наличии объективной потребности в регулировании.

В Главе 4 «Критика зарубежных доктрин международного финансового права» дается критика идейно-теоретических оснований западной доктрины МФП, активно отстаивающей в интересах стран Запада такие концепции, как Вашингтонский консенсус «*Washington consensus*», верховенство права «*rule of law*», зависимость от предшествующего пути «*path dependence*», равных условий деятельности «*level playing field*», невмешательство государства «*laissez-faire*», одиозный долг «*odious debt*», обусловленность МВФ «*conditionality*».

В параграфе 4.1 «Понятие отраслевой принадлежности и структуры международного финансового права в западной доктрине МФП» исследовано соотношение понятия «*International Financial Law*», используемого в западной доктрине, и российского «международное финансовое право» и показано их несовпадение. Обращается внимание, что западное понимание *International Financial Law* отражает его частно-правовой характер, в то время как российское «международное финансовое право» является публичной отраслью. Международные публичные финансовые отношения являются в западной доктрине предметом *International Financial Governance* (международный режим финансового управления).

В силу вышеизложенного можно прийти к выводу, что «международное финансовое право» не есть *international financial law*, и наоборот, ни по содержанию, ни по предмету, ни по методу. Современные западные исследователи по-разному понимают IFL. Сравнивая сферу регулирования

международного финансового права по российским подходам и западного *International Financial Law*, первую можно было бы квалифицировать как «публично-правовую составляющую IFL» (*Public International Financial Law*. – *пер. автора*).

Позиции западных и международных органов финансового регулирования и их подходы к квалификации правовых явлений восходят к правосознанию и правопониманию, сформированному в других исторических, культурных и экономических условиях, под влиянием других правовых традиций и правового менталитета.

В параграфе 4.2 «Идейно-теоретические основания западной доктрины международного финансового права и их интерпретация» проанализированы такие западные идеи и концепции, как Вашингтонский консенсус «*Washington consensus*» (п/пар. 4.2.1), верховенство права «*rule of law*» (п/пар. 4.2.2), зависимость от предшествующего пути «*path dependence*» (п/пар. 4.2.3), равные условия деятельности «*level playing field*» (п/пар. 4.2.4), невмешательство государства «*laissez-faire*» (п/пар. 4.2.5), одиозный долг «*odious debt*» (п/пар. 4.2.6), обусловленность МВФ «*conditionality*» (п/пар. 4.2.7), которые настойчиво и последовательно применяются в отношении развитых стран со странами развивающимися к пользе первых. В наибольшей степени нацелены против интересов развивающихся стран и на создание и поддержание их долговой зависимости от Запада концепции Вашингтонского консенсуса и «обусловленности» предоставления финансовых фондов со стороны МВФ, которые фактически являются формой финансового подчинения.

В параграфе 4.3 «Институционализация исламского финансового права и его влияние на международное финансовое право» рассмотрена институционализация исламского финансового сектора как одна из современных тенденций трансформации мирового правопорядка. Подчеркнута принципиальная разница в правовой природе, принципах, источниковой базе и структуре исламского финансового права и его возрастающее влияние на традиционное международное и национальное финансовое право.

Ислам стал политико-социальным и правовым фактором. Возможно, выбор исламского пути станет вектором трансформации глобального мироустройства.

Сделан вывод, что устойчивость идейно-правовых и религиозных основ парадигмы функционирования современной международной финансовой системы является основным препятствием ее трансформации.

В Главе 5 «Особенности современного международного финансового правопорядка с точки зрения российской доктрины международного финансового права» рассмотрены российские публичные государственные и научные подходы к основам современного международного финансового правопорядка.

В параграфе 5.1 «Российские подходы к основам современного международного финансового правопорядка» исследованы основные направления деятельности российских органов финансового регулирования и надзора по обеспечению устойчивости и надежности российской финансовой системы, а также ключевые нормативные правовые акты, принятые в целях их реализации.

В подпараграфе 5.1.1 «Государственное видение международного финансового правопорядка» проанализированы меры российского государства в сфере международных финансовых отношений, официально закрепленные во внутренних правовых документах. Особое внимание уделено актам Банка России. Указано, что эти документы представляют собой своеобразную концептуализацию официальных подходов к внешней финансовой политике России.

В подпараграфе 5.1.2 «Научные концепции международного финансового правопорядка» исследовано научное понимание современного мирового финансового правопорядка и его наиболее важные черты; дана характеристика мировой финансовой системы как материальной базы мирового финансового правопорядка и принципов ее формирования и функционирования. При этом сохраняющейся особенностью современного международного финансового правопорядка является приоритетное обеспечение посредством МФП интересов развитых западных стран.

В параграфе 5.2 «Концепт российского финансового суверенитета» дана правовая оценка характера и современного состояния способности российского государства самостоятельно развиваться за счет внутренних финансовых ресурсов и добиваться реализации своих финансовых решений во внешней сфере.

Показано, что современный международный финансовый правопорядок отражает низкое состояние законности в системе международных финансово-правовых отношений, что, в свою очередь, объясняется западной практикой управления глобальной финансовой системой, которая в итоге обнаруживает свой недемократичный, нелегитимный и несправедливый характер. В результате даже Россия не обладает внешним финансовым суверенитетом: ее самостоятельные внешние финансовые решения не имеют возможности реализации через существующую сеть международных финансовых и правовых институтов.

Перспективы достижения Россией реального финансового суверенитета в конкретных исторических, политических и правовых условиях

представляется весьма неопределенными. Вероятно, шагом в этом направлении могла бы стать новая долгосрочная финансовая доктрина.

В параграфе 5.3 «Отраслевая принадлежность и система МФП в российской доктрине. Трактовка проблематики международного финансового права в образовательном процессе» представлена научная позиция автора в отношении строго публично-правовой отраслевой принадлежности и соответствующей структуры международного финансового права как отрасли претендующей на самостоятельный статус в рамках международного права, что требует внесения изменений в учебные программы ВУЗов.

Взгляды на предмет регулирования и систему МФП являются основными критериями, по которым расходятся российская и западная доктрины МФП. Для западных доктрин характерны следующие трактовки места и роли МФП: МФП – это отрасль международного публичного права; частно-правовая отрасль; часть публичного международного права, часть национального финансового права; комплексная публично-частная отрасль права, а также часть финансового права зарубежных стран.

Указано, что система межгосударственных финансовых отношений, заточенная на публичный интерес по обеспечению международной финансовой стабильности, определяет институциональную структуру МФП, которую образуют такие правовые институты, как право международной финансовой стабильности, право международных финансовых организаций, институт финансирования развития, международное налоговое право, институты банковского, фондового, страхового регулирования и надзора, противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ), финансовой кибербезопасности и др.

В российской доктрине преобладающей позицией является отнесение МФП к публичной отрасли права, подотрасли международного экономического права. В исламской доктрине международное измерение не выделяется: любые отношения, включая международные публичные, должны подчиняться принципам шариата.

В параграфе 5.4 «Перспективы трансформации международного финансового правопорядка в аспекте российских интересов» проанализированы направления современных трансформационных процессов, их перспективы и возможное влияние этих процессов на состояние и функционирование международного финансового права. Даны рекомендации касательно действий России в контексте этих трансформаций.

Международное финансовое право как правовая отрасль, с одной стороны, демонстрирует высокую степень устойчивости и внутренней сбалансированности, а с другой стороны, продолжает эволюционировать за счет появления и расширения новых сфер регулирования: финтех, ESG, цифровизация, климатическая повестка, криптовалюты и пр. Происходит естественное и объективное углубление и расширение специализации

правовых институтов в каждом из финансовых сегментов – банковском, страховом, фондовом и др.

В обозримом будущем не стоит ожидать расширения зоны международного финансового регулирования актами «твердого» международного права, в том числе через «отверждение» «мягкого» права, хотя такой вариант теоретически допустим. Возможно также расширение сегмента мировой финансовой системы, основанного на исламских принципах регулирования, и сужение в связи с этим сектора традиционного регулирования.

Можно ожидать усиления региональной фрагментации мировой финансовой системы и создания торговых и финансовых зон, отделенных от западных стран и финансовых институтов, с соответствующими последствиями.

В Заключении сформулированы основные выводы и рекомендации, сделанные диссертантом по результатам проведенного исследования.

Отдельные положения и выводы диссертационного исследования были представлены и обсуждены на 18 межвузовских, всероссийских и международных научных мероприятиях, ряде сборников статей по итогам конференций.

Апробация ряда результатов исследования была проведена в профессиональной деятельности автора диссертации в период работы в Правовом департаменте Министерства финансов Российской Федерации, работы в составе Группы правительственных экспертов Российской Федерации по обзору выполнения Конвенции ООН против коррупции, а также при преподавании таких дисциплин, как «Международное финансовое право», «Международные стандарты финансовой деятельности государства», «Право международных финансовых организаций», «Международно-правовой порядок урегулирования международных экономических споров», «Международно-правовое регулирование экономических санкций» и др. в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации, Всероссийской академии внешней торговли МЭР России, Государственном университете просвещения.

Автором опубликовано свыше 90 научных и учебных работ, из них по теме диссертационного исследования 85 (общим объемом более 160 п.л.), статьей в рецензируемых научных изданиях по шифру специальности представляемой к защите диссертации – 17 объемом 12,05 п.л. Индекс цитируемости РИНЦ 10.

Основные положения и выводы диссертации представлены в следующих публикациях:

Монографии, главы в монографиях

1. Кудряшов В.В. Международно-правовые аспекты регулирования финансовых услуг в эпоху цифровизации: монография. – М.: РУСАЙНС, 2024. – 268 с.

2. Кудряшов В.В. Финансовая система России через призму международного финансового права // Актуальные проблемы осуществления финансовой деятельности в Российской Федерации: монография / кол. авторов; под ред. С.В. Тимофеева. - М.: РУСАЙНС, 2022. - С. 11-30.

3. Кудряшов В.В. Парижский клуб кредиторов как механизм урегулирования суверенных долгов // Трансформация публично-правовых средств развития экономики и финансов: монография / кол. авторов; под ред. М.А. Лапиной, Г.Ф. Ручкиной. – М.: Кнорус, 2019. - С. 312-324.

4. Кудряшов В.В. Институт налоговой прозрачности как правовой механизм противодействия агрессивной стратегии налогового планирования // Избранные труды научно-педагогических работников Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации / сост. Г.Ф. Ручкина, О.Н. Петюкова. – М.: Прометей, 2019. – С.196-209.

5. Кудряшов В.В. Международные финансовые стандарты в зарубежной доктрине международного финансового права. Монография. - М.: ИНФРА-М, 2018. - 249 с.

6.Кудряшов В.В. Международно-правовое регулирование суверенных финансовых институтов (монография). - М.: Издательство Финансового университета, 2015. -316 с.

7. Кудряшов В.В. К вопросу об идентификации International Financial Law (международного финансового права) // Проблемы и перспективы международных валютно-кредитных и финансовых отношений: монография / под ред. д.э.н., проф. И.З. Ярыгиной, к.э.н, доц. Т.В. Струченковой.-М.: Финансовый университет, 2012. – С. 32-54.

8. Кудряшов В.В. Некоторые аспекты международного регулирования суверенных фондов благосостояния // Проблемы и перспективы международных валютно-кредитных и финансовых отношений: монография / под ред. д.э.н., проф. И.З. Ярыгиной, к.э.н, доц. Т.В. Струченковой. -М.: Финансовый университет, 2011. - С.82-90.

9. Кудряшов В.В. Суверенные фонды в международно-правовом и институциональном контексте глобальной финансовой архитектуры (монография). - М.: ОАО ИПЦ «Финпол», 2010. - 216 с.

Учебные издания

1.Кудряшов В. В. Международное финансовое право. Суверенные финансовые институты: учебное пособие для вузов. - 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. - 268 с.

2.Кудряшов В.В. Теоретические основы международного финансового права // Финансовое право: учебник под общ. ред. Э.Д. Соколовой Э.Д.; отв. ред. А.Ю. Ильин. - Москва: Проспект, 2023. - С. 519-547.

3.Кудряшов В.В. Практические подходы к реализации норм международного финансового права // Финансовое право: учебник под общ.

ред. Э.Д. Соколовой Э.Д.; отв. ред. А.Ю. Ильин. - Москва: Проспект, 2023. - С. 548-570.

4. Кудряшов В.В. Международное финансовое право: учебник. - Москва: Кнорус, 2021. - 372 с.

5. Кудряшов В.В. Право международных финансовых организаций: учебное пособие. – Москва: Кнорус, 2020. - 286 с. ISBN 978-5-406-07245-5

6. Кудряшов В.В., Ручкина Г.Ф., Ючинсон К.С. Правовое регулирование экономической деятельности (на английском языке): учебное пособие. - Москва: КНОРУС, 2021. - 178 с. ISBN 978-5-406-01823-1

7. Кудряшов В.В. Имплементация международных финансовых стандартов в Российской Федерации // Актуальные проблемы международного финансового права: учеб. пособие / С.Г. Павликов, Н.А. Ефимова, И.С. Иксанов, В.В. Кудряшов; под науч. ред. проф. С.Г. Павликова. М.: ИНФРА-М, 2017. – С. 202 -278.

8. Кудряшов В.В. Международные стандарты финансовой деятельности государства: учебное пособие. - М.: Финансовый университет, 2017. – 220 с.

9. Кудряшов В.В. Перспективы имплементации международных финансовых стандартов в Европейском союзе // Финансовое право Евразийского экономического союза: учебное пособие для студентов 2 курса МПФ очно-заочной формы обучения / отв. редактор: В.Е. Понаморенко. - Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России. - М.: ВАВТ, 2016. - С.141-149.

Статьи в рецензируемых научных изданиях по шифру специальности представляемой к защите диссертации:

1. Кудряшов В.В. Особенности правовой природы межгосударственных финансовых взаимодействий // Проблемы экономики и юридической практики. - 2025. - Т. 21. - № 4. - С.111-116. - 0,6 п.л.

2. Кудряшов В.В. Концепция «одиозного» долга в зарубежной доктрине международного финансового права // Российская юстиция. – 2025. - №9. - С. 56-62. – 0,6 п.л.

3. Кудряшов В.В. Трансформация международного финансового правопорядка: исламская альтернатива // Евразийский юридический журнал. - 2025. - № 5. - С. 35-37. - 0,5 п.л.

4. Кудряшов В.В. Правовые аспекты взаимодействия с международными финансовыми организациями в условиях санкций: взгляд из России//Евразийский юридический журнал. - 2025. - № 4. - С. 32-35.- 0,4 п.л.

5. Кудряшов В.В. «Мягкое» право в международном арбитраже: зарубежные подходы // Евразийский юридический журнал. - 2025. - №3. - С. 22-26. - 0,8 п.л.

6. Кудряшов В.В. Категориальный аппарат как фактор целостности и системности международного публичного финансового права // Проблемы экономики и юридической практики. - 2025. - Т. 21. - № 2. - С. 188–194. - 0,75 п.л.

7. Кудряшов В.В. К вопросу о месте норм международного частного финансового права в системе международного публичного финансового права: доктринальные аспекты // Проблемы экономики и юридической практики. - 2025. - Т. 21. - № 2. - С. 182-187. – 0,7 п.л.

8. Кудряшов В.В. Противодействие коррупции в частном бизнесе со стороны Международной финансовой корпорации // Вопросы экономики и права. - 2021. - № 1 (151). - С. 29-32. – 0,4 п.л.

9. Кудряшов В.В. Международно-правовые аспекты поиска и репатриации похищенных активов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2017. - № 6. - С. 63-72.- 1, 3 п.л.

10. Кудряшов В.В. Межинституционные соглашения как форма правового механизма Европейского союза в бюджетной сфере // Международное публичное и частное право. - 2016. - № 2. - С. 22-25.- 0,6 п.л.

11. Кудряшов В.В. Релевантность международных финансовых стандартов в международной торговле финансовыми услугами // Российская юстиция. - 2015. - № 9. - С. 23-27. – 0,6 п.л.

12. Кудряшов В.В. Проблемы применения международных финансовых стандартов в праве ВТО// Вопросы экономики и права. - 2015. - № 6. - С.26-33.- 0,9 п.л.

13. Кудряшов В.В. Правовые аспекты финансирования Европейским союзом инициативы России-ЕС: «Партнерство для модернизации» // Вопросы экономики и права. - 2015. - № 2. - С.59-69.- 1,1 п.л.

14. Кудряшов В.В. «Мягкое право» как метод регулирования международных финансовых отношений в зарубежной доктрине международного финансового права // Московский журнал международного права. 2013. - №2 (90). - С.70-89.- 0,8 п.л.

15. Кудряшов В.В. Зарубежная доктрина международного финансового права: проблема идентификации // Российская юстиция. - 2012. - № 9. - С. 2-7.- 0,6 п.л.

16. Кудряшов В.В. Некоторые проблемы международно-правового регулирования кредитных рейтинговых агентств //Российская юстиция. - 2010. - № 6. - С. 23-28.- 0,8 п.л.

17. Кудряшов В.В. Суверенны ли суверенные фонды? // Российская юстиция. - 2009. - № 9. - С. 23-27. – 0,6 п.л.

Статьи в рецензируемых научных изданиях:

1. Кудряшов В.В. К вопросу о системе международного финансового права: существует ли международное кредитное право? //Финансовое право. - № 8. - 2023. - С. 15-19.

2. Кудряшов В.В. Система межбанковских финансовых коммуникаций СВИФТ: правовой статус, правосубъектность, санкционный потенциал // Финансовое право. - 2022. - № 7. - С. 23-29.

3. Кудряшов В.В., Васильева О.Н. Новые тренды в международном финансовом праве: финансовые инновации и структурные перемены // Безопасность бизнеса. - 2022. - № 3. - С. 31-36.
4. Кудряшов В.В., Васильева О.Н. К вопросу о современных тенденциях в международном финансовом праве // Безопасность бизнеса. - 2022. - № 6. - С. 43-45.
5. Кудряшов В.В. Базельский комитет по банковскому надзору: правосубъектность, правотворчество, ответственность // Финансовое право. – 2019. - №3. - С. 3-8.
6. Кудряшов В.В. Комитет по платежам и рыночной инфраструктуре Банка международных расчетов: правосубъектность, правотворчество, ответственность // Право и экономика. – 2019. - № 1. - С. 57-61.
7. Кудряшов В.В. Принцип присвоения поведения государству в международном финансовом праве // Финансовое право. - 2017. - № 6. - С. 12-15.
8. Кудряшов В.В. Интеграция исламского финансового регулирования: глобальный процесс// Финансовое право. - 2017. - №1. - С. 3-7.
9. Кудряшов В.В. Неформальные механизмы урегулирования суверенного долга: Парижский клуб кредиторов // Монетарное право. - 2017. №1. - С. 26-37.
10. Кудряшов В.В. Сочетание публичного и частного регулирования в международном финансовом праве // Финансовое право. - 2015. - №11. - С.6-9.
11. Кудряшов В.В. Сотрудничество Институтов Европейского союза в бюджетной сфере // Финансовое право. - 2015. - № 9. - С.6-10.
12. Кудряшов В.В. Институты международного финансового права: кредитный рейтинг // Финансовое право. - 2015. - № 8. - С.5-9.
13. Кудряшов В.В. Институт нормотворчества в международном финансовом праве// Финансовое право. - 2015. -№ 6. - С.8-14.
14. Кудряшов В.В. Теневая банковская деятельность как объект международного финансового регулирования (начало) // Финансовое право. - 2014. - № 6. - С. 3-6.
15. Кудряшов В.В. Теневая банковская деятельность как объект международного финансового регулирования (окончание) // Финансовое право. - 2014. - № 7. - С. 3-10.
16. Кудряшов В.В. Международные финансовые стандарты как концепция регулирования международных финансовых отношений // Право и экономика. - 2014. - №1. - С.64-71.
17. Кудряшов В.В. Мягкое право как метод регулирования международных финансовых отношений в зарубежной доктрине международного финансового права // Финансовое право. - 2013. - № 5. - С. 17-20; №4. - С. 8-11.

18. Кудряшов В.В. Легитимность исламского (альтернативного) финансирования в неисламских юрисдикциях // Финансовое право. - 2011. - № 2. - С. 8-14.

19. Кудряшов В.В. Правовое регулирование кредитных рейтинговых агентств: американская модель // Банковский бизнес. - 2011. - № 3. - С. 45-53.

20. Кудряшов В.В. Правовое регулирование деятельности кредитных рейтинговых агентств Европейском союзе // Банковский бизнес. - 2011. - № 2. - С. 47-59.

21. Кудряшов В.В. Инвестиционная политика мировых суверенных фондов в финансово-правовом контексте // Финансовое право. - 2009. - № 7. - С. 4-11.

22. Кудряшов В.В. Финансово-правовые аспекты инвестиционной политики мировых суверенных фондов // Банковский бизнес. - 2009. - № 4. - С. 17-24.

23. Кудряшов В.В. Суверенные фонды – новый тип институциональных инвесторов // Банковский бизнес. - 2009. - № 3. - С. 22-26.

24. Кудряшов В.В. К проблеме международно-правового регулирования суверенных фондов // Банковский бизнес. - 2009. - № 2. - С. 25-34.

25. Кудряшов В.В. Правовое регулирование кредитных рейтинговых агентств: европейская модель // Финансовое право. - 2010. - № 9. - С. 9-20.

26. Кудряшов В.В. Кредитные рейтинговые агентства как объект международного финансово-правового регулирования // Банковский бизнес. - 2010. - № 3-4. - С. 39-46.

27. Кудряшов В.В. Суверенны ли суверенные фонды? // Право и экономика. - 2009. - № 9. - С. 35-40.

28. Кудряшов В.В. Юрист на предприятии: партнер или наемный работник? // Российская юстиция. - 1997. - № 3. - С. 18-23.

Научные статьи в зарубежных изданиях

1. Vladislav V. Kudryashov et al. Foreign experience of legal regulation of medical and social expertise (on the example of the Republic of Belarus)//Proceedings of the International Conference on the Theory and Practice of Personality Formation in Modern Society (ICTPPFMS 2018). Series: Advances in Social Science Education and Humanities Research. - Vol. 198. - P. 96-99.

2. Vladislav V. Kudryashov et al. Worldwide Models of Higher Education Management: Country and Cross-Cultural Factors Analysis// Modern Journal of Language Teaching Methods. - June 2018. -Vol. 8, Issue 6. - Kare Publishing. - P.215-223.

3. Vladislav V. Kudryashov et al. Corrective Control as Training Quality Improving Factor in University // Modern Journal of Language Teaching Methods. - June 2018. - Vol. 8, Issue 6. - P. 177-189.

4. Legal regulation of the family members' entrepreneurial activity and inheritance relations: law enforcement problems. Kudryashov V.V., Lepeshkina V.S., Sazonova I.V., Potkin A.A., Altunin V.A.

В сборнике: SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium”. Kaliningrad, 2021. С. 01011.
DOI:[10.1051/shsconf/202110801011](https://doi.org/10.1051/shsconf/202110801011)

5. Kudryashov V.V. Approaching the typology and legal personality of the international financial regulators // Applied Linguistics Research Journal. 2024. DOI:[10.14744/alrj.2020.05025](https://doi.org/10.14744/alrj.2020.05025)